К 48 5/33

А. Крученых

ЧОРТ и РЪЧЕТВОРЦЫ.

русская литература до насъ была спиритической и худосочной
она кружилась въ колесѣ чорта..—
поймать черта, разоблачить, проклясть или хоть восхвалить!
спасти кого-то и провидѣть полный и рѣшительный конецъ міра сего...
какъ дѣти в сказкѣ писатели заблудились в трех волосках на головѣ черта и не побывав еще в странах слова какъ-то такового
были раздавлены клопом чортом...
. . . . . .
не литература а общество спасенія!
сами еще плохіе пловцы бросились спасать всѣхъ
ибо близок конец міру
тому есть множество знаменій
„и клялся Живущим во вѣки вѣков, который сотворил небо и все, что на нем, землю и все что на ней и море и все что в нем, что времени уже не будет“
кончилось для людей наслажденіе драгоцѣнными розами и вином, кончилась земля и горько-сладкіе плоды ея, отнынѣ „огонь дыма и сѣра“ будут палить блудодѣйствующихъ и чародѣйствующих „от этих трех язв, от огня дыма и сѣры выходящих изо рта коней, умерла третья часть людей“
сперва не вѣрилось. вороватые смѣялись и рѣзвились не придавая значенія топоту коней у которых головы львов.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 17854
31 VIII 1931

но стоило только взглянуть на рты из которых выходил огонь дым и сѣра и услыхать как рыкает лев как семь громов проговорили голосами своими—чтобы в ужасѣ убѣжать от бездѣлушек своих и невинных ребяческих забав.
нѣчто большее легкомыслія и забав взглянуло в лица их—это был конец міра.
это было царство сатаны блудницы папессы и смерти пришедших в конец соблазнить и погубит людей.
тѣ чьи числа 2, 40 и 200...
Пан-отец пришедшій изъ-за моря из турецкой земли недобро взглядывает, вынимает из-за пазухи черную воду и тянет ее.
и вызываетъ душу своей дочери казачки Катерины и говорит ей сотканной изъ инфернальныхъ загробных лучей: полюби меня
Сатана сатана!.. шепчет пан Данило.
недоброе творится въ Украинѣ.
чертъ на нѣмецких ножках укралъ мѣсяцъ и стало въ ночь подъ Рождество темно и вѣтрено и холодно.
и человѣкъ въ восточномъ халатѣ покупаетъ душу художника,
и среди бѣла дня в упоительной Украйнѣ французсвинья утаскиваетъ прошеніе Ивана Ивановича,
и Хлестаков эта столичная штучка на нѣмецкихъ ножках во фракѣ вретъ про свое министерство и этим напускает туман перед глазами простых обитателей ждущихъ своей погибели...

вездѣ оборотни слухи вертится черт и влѣзет то в свинью то в пирог то в мелкаго чиновника лгуна и сплетника.

Маленькій гаденькій черный, Кажется взял бы и пальцем раздавил. Не черт а блоха и никак ее не словишь

и хочет Гоголь ударит по струнам людских душ с „невѣдомою силой“. . . . .

Какой поход на блоху! блоха радуется и смѣется—развѣ так ловят блох? втихомолку потихоньку ловким и быстрым движеніем—и вот ее нѣт!

Но человѣк в бреду и ужасѣ не замѣчает что имѣет дѣло с простой блохой. Она принимает невѣроятные размѣры и формы ея странно дрожат и мѣняются: по виду это саранча ростом с коня и волосы у ней, как волосы у женщин, а зубы были как у львов.

Тѣм то и страшна блоха что она маленькая а человѣк в жару и бреду никак не может быстро повернуть рукой и прихлопнуть ее. и давит его блоха.

на ней были брони как бы брони желѣзныя а шум от крыльев ея, как стук от колесниц когда множество коней бѣжитъ на войну, вытянув морды...

. . . . . .

Милая благоуханная упоительная Украйна во власти блохи саранчи, невѣрных срацин. И гибнут славные вѣрные сыны Украины: и полковник Тарас и его сын лыцарь Остап

Погибло славное казачество!
И только жид Гершка худой и длинный как оглобля гримасничает и бѣгает заплетываясь ногами в длинном кафтанѣ своем и разсказывает и своим и полякам о погибели казаков
возненавидѣл Гоголь „жидов“ и особенно „Петровскую Россію“ полонивших его Украину. и отомстил Россіи „страшной местью“ и дьяволъским смѣхом и заколдованным смѣхом высмѣял ее и изобразил на лицѣ ея гримасу страшнаго колдуна и сам испугался своего смѣха
„Смотри—указал ему схимник—буквы твоих книг наполнились кровью“
и убѣжал от людей колдун. ни пост ни покаяніе не помогли ему...
Колдун сам превратился в блоху и скрылся от нас в необычайном прыжкѣ

. . . . . .

Но не все же торжествовать блохѣ не все шумѣть саранчѣ: она в с е съѣла что было на землѣ и оставив ее голой пустынной и безлюдной должна умереть и сама.
вот когда настанет ея погибель!

„И ничего во всей вселенной
благословить он не хотѣл“

Но появились Успенскій Рѣшетников Короленко и Горькій.
и пришли люди от земли пришли мужички в русскую пустыню и посмотрѣли: сколько нечисти развелось там. это надо вывести а то „ен закусает“—рѣшили мужички міром и скопом принялись ловить блохъ собирать саранчу.
неуклюже допотопными способами рѣшили исправить мір. Но удивлялись: ен прыткій никак в руку не дается. пробовали к старухѣ колдуньѣ обратиться тоже дѣло не ладилось
Плюнули мужички и рѣшили так жить небось всѣх не съѣст--объѣстся! свернулись мужички калачиком да так на голой землѣ и улеглись и храп пошел такой что по всей планидѣ загудѣло.

. . . . . .

жил неподалеку один чувствительный барин и такой был аккуратный—чуть гдѣ увидит пылинку или блошку крик на весь мір подымет:
Как можно чтоб я спокойно сидѣл и кушал когда такая нечистота!
скорѣй созвать собраніе! всѣх артистов инженеров адвокатовъ пусть ловят блоху,
пусть вычистятъ все до послѣдной пылинки ибо так жить нельзя!
Смѣялись мужички: барское дѣло!
Не понимали спокойные люди о чем кричит его сіятельство

грязь, вездѣ грязь вездѣ блохи!—вопил между тѣм нѣженка—ваша культура и ваши науки это грязь! и ваша любовь и ваша жизнь и все! как вы можете жить, если все это замѣчаете?.. почему вы не мучаетесь?..
и стал нѣженка искать себѣ на землѣ мѣста.
куда не заглянет—вездѣ плохо.
Вы что тут дѣлаете?—спросит у солидных господ
— Развратничаем!
— а эти что дѣлают?
— Комедію ломают дурака представляют ваше сіяство!
— а эти что дѣлают?
— микробу этакую в мелкоскоп от вши взяли...
Так жить нельзя вскричал длинобородый граф сколько еще на свѣтѣ живых блох и вредной саранчи а эти чѣм занимаются!
а? грозно переспросил граф. И взяв посох и гнѣвно оглядываясь ушел к мужичкам
— что вы милые дѣлаете
— так что оченно трудимся
— а что блошка какая нибудь там не мѣшает вам?
— Какая там блошка тут шилом не продерешь кожи!
— вот это люди! подумал граф—вот гдѣ жить можно! все у них чисто, свѣтло
Примите и меня в артель хочу тоже потрудиться
— что же становись каши небось ваше благородіе много не съѣст? она у нас без масла!..
Так боровшійся всю жизнь с блохою кончил непротивленіем ей!..

а у мужичков так и застряло на ртах:
на чаек бы с ихней милости!
. . . . . .
но тут вынырнул звѣрь из морской бездны с лицом моржа и черным голосом вскричал:
отнынѣ царство блох наступило...
она сидит на тронѣ...
а блоха положив руки на ручки кресел говорила:
я вам внимаю мои дѣти
возсѣв на отческій престол
душ сколькихъ мнѣ услышать Нѣти
Позволит подданных глагол
„чур чур чурашки буки букашки вѣди таракашки“ шептал Салогуб и потом гнусаво запѣл о смерти
золотой дракон развернулся и спустился с неба чтобы одѣть ему на голову горшок бывшій в употребленіи.
„Торжественность момента“ нарушил пискливый голос Мережковскаго увѣшаннаго куклами старинными гравюрами и картинами:
„дьявола продаю! за копейку чертик Гоголя, за 1/2 копейки сверхчеловѣк Лермонтова! Мистическій сферическій...
Кузьмин Бальмонт и Брюсов слѣдуя обычаю мух дѣловито оставляли жирные слѣды на всѣх стариных изображеніях героев древности...
разбуженная саранча сонно схватила Салогуба и пожевав губами изблевала его и вышел он из ея рта сморщенным рыхлым и бритым.
и стал он отфыркиваться:
„мечты—обман и сон!“

и закартавил тріолеты землѣ.
Блох с Бѣлым положили головы свои и плакали, а Мережковскій укорял их:
продали революцію черту,
он напустил на вас Цусиму и Порт-атур, он съѣл ваш театр и башмаки, культуру и семью... кто съѣл ваш ужин?.. не знаете?!
как будто в сторонѣ от всѣх сидѣл маленькій чех (Чехов) так любившій рыбную ловлю и думавшій выудить всѣх чертей из россійскаго болота...
. . . . . .
Черт!—кто-то закричал сбоку — сам черт! берегитесь черт!
а насмѣшливый голос отвѣчал ему:
не страшно!
и в самом дѣлѣ никакого черта не было и неудачный пастух Андреев так и остался лгуном.
чтобы утѣшить его хоть нѣсколько А. Ремизов надуя игрушечнаго чертика украденнаго на „вербѣ“ и тот запищал вздрогнул и вытянулся.
Так кончился черт у русской литературы а с ним и сами литераторы оплакивающіе его как безутѣшныя вдовы
. . . . . .
. . . . . .
на смѣну русским литераторам пришли рѣчетворцы—баячи будетлепе—и сразу превратили черта в дворника
черти ли страшны будетлянину? как господин нисходит в ад—и там смятеніе подземные в затрудненіи:

их палец тщился начертать
мои земныя пять имен
но легче коготь поломать
чѣм отгадать как я клеймен
Огонь и муки мнѣ нипочем
и стиснув зубы хулу шепчу
Под тонким жалящим бичем
Смѣюсь тихонько палачу
и бѣс стал пятиться невольно
замѣтив что глумлюсь
шепнул себя щипая больно
тебѣ я предаюсь...
(а. крученых „полуживой“)

не случайно в литературѣ до нас разлито адское сладострастіе (негр Пушкин, мрачный корнет Лермонтов, тайный огонь Гоголя и т. д.)
Достоевскій пес но он же и сладострастное насѣкомое! и восхвалявшій бѣса Ѳ. Сологуб воспѣл в послѣдній и грязное извращенное сладострастіе (таков же А. Ремизов—насѣкомое)
но у писателей до нас и сладострастіе не настоящее. у них не есть а лишь хочу.
уж подлинно „символизм“
с побѣдой над адом покоряется и украшеніе его: любовь-сладострастіе

Тебѣ навѣки я отдадена
віяся вѣдьма изрекла
и вѣтр и звѣрь и дѣва-гадина
касались моего чела
(„Полуживой“)

И шалунья слава и богатства этого міра стали иными—
стали пустым мѣстом
меня вѣнчали черным знаком
и уксус лили на язык
копьей украсили и паки
вознесся дикій крик
(полуживой)
ненадежен и сам ад. ему так легко погибнуть
в своем коренном сладострастіи—муки и случая.
Гибель страстно играющаго в карты подъземелья мы видим с ясностью:

...и скука тяжко нависая
глаза разрѣжет до конца
всѣ мечут банк и загибая
забыли путь ловца
. . . . . .
все скука угнетает
и грѣшникам смѣшно
дрова в каминѣ угасают
и занавѣшено окно
(„Игра в аду“ Крученых-Хлѣбников)

указав на этот конец конца баячи будетляне в своем творчествѣ уже исходят от других вещей цѣлей и замыслов...

А. Крученных.

Гипо-литографія
СПБ., Невскій
Т-ва „СВѢТЪ“,
просп., д. 136.

42306

Печатаетск второе дополненное изд. «**Взорваль**» А. Крученых и «**Бух Лѣсинный**» Крученых и Хлѣбников.

ЧОРТ и РѢЧЕТВОРЦЫ.
ц. 30 коп.